

ВИКТОР КОЖЕМЯКО

РУССКАЯ ЛЮБОВЬ

Нынешнее корыстное и хищное время всё реже даёт повод для восхищения добром и любовью. Да и неудивительно: иные ценности господствуют. Понятие подвига, подвижничества для многих становится чем-то абстрактным.

Тем более отраден подвиг истинной любви, когда вдруг встречаешься с ним в череде теперешних огорчающих будней. Такой встречей (настоящим подарком жизни!) стало для меня знакомство с Майей Андреевной Полётовой – человеком необыкновенным, чья любовь и чьи подвижнические деяния поистине восхищают.

Чем же она необыкновенна?

Могу сказать коротко: эта женщина создала в Москве музей поэта Николая Рубцова. И уже этого достаточно, по-моему, чтобы заострить читательское внимание. Не каждому ведь удаётся в жизни оставить после себя такую память – музей, куда приходят и будут приходить люди, чтобы больше узнать о классике русской поэзии...

Так-то оно так, однако далеко не всё этим сказано. “Чудо Полётовой”, как мысленно я его называю, произошло тогда, когда она впервые услышала стихи неизвестного ей поэта, которые, признается она потом, просто потрясли её. А произошло это в 1980 году на поле Куликовом, на юбилейных торжествах в честь 600-летия исторической русской победы. И названы стихи – “Видения на холме”:

*Взбегу на холм
и упаду
в траву.
И древностью повеет вдруг из дола!
И вдруг картины грозного раздора
Я в этот миг увижу наяву.
Пустынный свет на звёздных берегах
И вереницы птиц твоих, Россия,
Затмит на миг
В крови и жемчугах
Тупой башмак скуластого Батыя...*

От такой картины сердце её, наверное, вздрогнуло и сжалось, охваченное трепетом пронзительно яркой образности поэтического слова. Наверное, поднялись в её душе и собственные впечатления, пережитые когда-то при чтении страниц отечественной истории, а теперь усиленные общей атмосферой народного праздника на ратном поле. Но поэт, пока неведомый ей, заговорил исповедально о родной стране:

*Россия, Русь — куда я ни взгляну...
За все твои страдания и битвы
Люблю твою, Россия, старину,
Твои леса, погосты и молитвы,
Люблю твои избушки и цветы,
И небеса, горящие от зноя,
И шёпот ив у омутной воды,
Люблю навек, до вечного покоя...*

Было ли ей близко это чувство? Не сомневаюсь, признание поэта восприняла она как своё собственное. А дальше... Вот дальше, думаю, и случилось потрясение, определившее (в полном смысле слова!) её судьбу на многие годы. Она услышала:

*Россия, Русь! Храни себя, храни!
Смотри, опять в леса твои и доли
Со всех сторон нагрянули они,
Иных времён татары и монголы.
Они несут на флагах чёрный крест,
Они крестами небо закрестили,
И не леса мне видятся окрест,
А лес крестов
в окрестностях
России.*

Такое видение, неожиданное и грозное, пророчески предупреждавшее всех, кто никакой угрозы вокруг пока ещё не чувствовал, должно было всколыхнуть её сердце острой тревогой за завтрашний день. Хотя его, зловещее видение это, хотелось бы, наверное, отодвинуть, отогнать, обратившись к мирному, привычному и дорогому:

*Кресты, кресты....
Я больше не могу!
Я резко отведу от глаз ладони
И вдруг увижу: смирно на лугу
Траву жуют стреноженные кони.
Заржут они — и где-то у осин
Подхватит эхо медленное ржанье,
И надо мной —
бессмертных звёзд Руси,
Спокойных звёзд безбрежное мерцанье...*

Я специально привёл эти знаменитые стихи полностью, поскольку, увы, не уверен, что они известны всем нашим читателям. Не знала же их Майя Андреевна в сентябре 1980 года, хотя появились они почти за два десятка лет до этого! Впрочем, главное не в том, что она, детский врач по профессии, уже в предпенсионном возрасте всё-таки открыла для себя выдающегося русского поэта Николая Рубцова, ушедшего из жизни к тому времени уже без малого десяти лет назад. Необыкновенность её — в силе любви, вспыхнувшей мгновенно, от одного услышанного стихотворения, и побудившей затем искать, читать, впитывать всё, что написано этим поэтом и о нём. Более того, она стала разыскивать людей, которые знали Рубцова, и записывать то, что они о нём помнили, начала собирать самые разные материалы, относящиеся к его жизни и творчеству, превратилась в неутомимого и талантливого распространителя и популяризатора стихов любимого поэта, в страстного защитника его личности от недружественных высказываний.

Словом, содержанием всей её дальнейшей жизни сделалось верное, самоотверженное и деятельное служение большой любви, которую она испытывала к поэту и его творчеству.

Родом из детства

География её поисков необъятна, а круг охваченных тридцатилетними исследованиями людей неисчислимы. Каждый, кто был причастен к жизни Николая Рубцова, оказывался в сфере её интересов. Она сразу же отправляется к этому человеку или посылает письмо со своими вопросами, если самой добраться до него у неё нет никакой возможности.

Вот, скажем, выяснилось, что в Находке (дальневосточный край России!) живёт Геннадий Петрович Фокин, служивший в своё время с Рубцовым на эсминце “Острый” в Североморске. И вслед за письмом Майи Андреевны отправляются к нему её друзья из города Артём, основавшие здесь, в Приморском крае, Рубцовский центр.

А одна из бывших соучениц Рубцова по Литературному институту имени М. Горького живёт теперь в Праге, но и её воспоминания о поэте Майя Андреевна сумела добыть и поместить в музей.

Но больше всего интересных встреч и открытий связано у неё, конечно, с вологодской землёй, где Николай Рубцов вырос, и откуда берут истоки лучшие его стихи. О ней, об этой земле, напишет он, словно выдохнет:

*Тихая моя родина!
Ивы, река, соловьи...
Мать моя здесь похоронена
В детские годы мои.*

Когда я думаю об особом чувстве Майи Андреевны к этому поэту, вижу мне здесь и что-то материнское. Недаром же так часто называет она его не Николаем Михайловичем и не Николаем, а Колей. Потрясение от его стихов ещё более в ней усилилось, когда начала она узнавать подробности детской его жизни, из которой многие стихи, несомненно, и выросли. Некоторые подробности стали широко известны и будут теперь известны всегда именно благодаря ей, Майе Андреевне Полётовой.

Так, она рассказала в своих уникальных книгах, к которым многократно я буду обращаться, о Евдокии Михайловне Киселёвой – заведующей Красковским детским домом, что в восемнадцати километрах от Вологды, куда шестилетний Коля Рубцов поступил осенью 1942 года: “Евдокия Михайловна была человеком высокой культуры, тонко чувствовала природу, любила и знала литературу, неплохо пела. В детдоме проводили занятия по музыке, развитию речи, рисованию. Возможно, что именно стихи, музыка, сказки Пушкина, прочитанные воспитательницами, нашли отклик в душе маленького Рубцова”.

А ещё, как удалось ей установить по воспоминаниям людей, работавших или живших в ту пору в том детском доме, дети любили танцевать матросский танец и с воодушевлением пели песню про матросов:

*Будем, будем мы матросами,
Поедем на моря,
Будут с лентами фуражка,
Воротник с полосками,
А рубашка нараспашку,
Белая, матросская...*

“Кто знает, – заметила по этому поводу Майя Андреевна, – быть может, любовь к морякам, а в дальнейшем и к морю запала в душу маленького Коли именно в Красковском детском доме”.

Отсюда по достижении семи лет, в октябре 1943-го, детей перевезли в другой детдом – в село Никольское Тотемского района Вологодской области. И Майя Андреевна дотошно восстановила весь тяжёлый путь, преодоленный ребятами. Восемнадцать километров до Вологды они ехали на

телеге, затем несколько километров на пароходе до переправы через реку Сухону возле села Красное (Усть-Толшма), а потом, согласно плану, их должны были встретить после переправы, чтобы на телеге довести до Никольского. Но по какой-то причине телеграмма с просьбой прислать на пристань за детьми лошадь не дошла, и в холодную октябрьскую ночь, под проливным дождём, они двадцать пять километров вынуждены были идти пешком.

“Вот какие истории бывали в те суровые военные дни! – с волнением написала Майя Андреевна. – И я, будучи школьницей, эвакуированной во время Великой Отечественной войны из Москвы сначала в Рязанскую, а затем в Горьковскую область, помню, как нас переправляли на пароходе по Оке, а мы знали, что пароход с детьми, отправившийся перед нами, был уничтожен во время немецкой бомбёжки”.

Да, через подробнейший, богатейший документальный материал о Рубцове, собранный ею, зримо возникает и образ поэта – от раннего детства до трагической гибели, – и образ времени. А оно было не только суровым. Например, в общении с той же Евгенией Павловной Романовой (Буняк), рассказавшей о трудной дороге ребят от одного детдома до другого, Майя Андреевна поинтересовалась у неё, бывшей детдомовской воспитанницы, судьбами детей, запечатлённых на фотографии, которую она прислала. Обратила, в частности, внимание на очень весёлую, смеющуюся девочку во втором ряду. “Кто это?” – спросила Евгению Павловну.

– Это дочь ленинградских профессоров, – ответила она, – Рита Чекалина. Родители, отправляя дочь из блокадного Ленинграда, передали ей все свои золотые вещи, и хранились они в кладовой детдома. Мы часто просили, чтобы нас пустили в кладовую посмотреть и потрогать свои пожитки. Рита показывала нам золотые кольца, серьжки, брошки. Тогда она ещё не знала, что родители её погибли от голода.

– А не мог ли кто-нибудь взять у неё эти кольца, серьги?

– Нет, – возразила Евгения Павловна, – у нас не было в детдоме воровства.

– А кем стала Рита?

– Трактористкой...”

Первооснова поэтической души

А Коля Рубцов стал поэтом. Но как это произошло? Благодаря чему проявился и возрос его природный дар? Вот что особенно интересует Майю Андреевну Полётову в её разговорах с людьми, знавшими поэта с малых детдомовских лет. И уже постаревшие люди, бывшие мальчики и девочки, вспоминают Колю на детских праздниках с неизменной гармошкой (музыкальное дарование – от отца), с пением (это – от матери), со стихами.

Тамара Васильевна Шанина, которая тогда была Шестаковой и девочкой попала в Никольский детдом вместе с двумя сестрёнками, а теперь живёт далеко, в Хакасии, в городе Саяногорске, приехала на встречу детдомовцев в село Никольское (или Николу, как его называют) летом 2006 года, где и познакомилась с Майей Андреевной. Одно из воспоминаний – радостный день 9 мая 1945-го – День Победы!

“Когда все расходились с линейки, – записала Майя Андреевна, – Коля Рубцов запел песню, и все воспитанники подхватили её. Пели громко, вдохновенно, с душой... Вечером этого дня мы выступали в клубе перед колхозниками. Зал был полон. Коля Рубцов играл на гармошке. Дети пели песни военных лет и пионерские, хором и по одному. Плясали белорусскую “Бульбу” под его гармонь и пение девочек... Коля Рубцов и Толя Мартюков со сцены читали наизусть стихи военных лет о Родине, о Сталине...”

Замечу, что Анатолий Сергеевич Мартюков стал журналистом, главным редактором газеты “Советская мысль” в городе Великий Устюг, а в рубцовском стихотворении “Детство” сохранится тот незабываемый майский день:

*Когда раздался
Праведный салют,
Когда прошла
Военная мороза,*

*И нам подъём
Объявлен был до срока,
И все кричали:
— Гитлеру капут!*

У поэта — своё восприятие и своя память, так что и тяжелейшая военная пора запомнилась, легла на душу и отозвалась в его стихотворных строках по-своему:

*Вот говорят,
Что скуден был паёк,
Что были ночи
С холодом, с тоскою, —
Я лучше помню
Ивы над рекою
И запоздалый в поле огонёк.*

Иногда о человеке больше многих слов скажет один какой-то эпизод. Как раз про такой характерный случай Майе Андреевне поведала Марта Александровна Потанина, в замужестве Бадьина, которая вместе с Колей Рубцовым попала в Никольский детский дом из Краскова. После седьмого класса Коля поступил в лесной техникум, находившийся в райцентре Тотьма, а Марта из-за болезни задержалась в седьмом классе на два года. Поскольку Никольский детдом закрыли, её перевели в другой, Тотемский. Однажды встретила она возле техникума Николая, рассказала ему, как у неё сложилась жизнь.

“И каково было её удивление, — передаёт Майя Андреевна, — когда в один из вечеров Коля появился у них в детском доме с гармонью. Он разыскал Марту, спросил, можно ли ему поиграть. Играл в основном вальсы, а дети танцевали. Потом он ещё раз приходил...”

Подтверждается это и рассказами Сергея Петровича Багрова, друга Николая по лесному техникуму. Оказывается, вместе с ним Рубцов часто ходил в детские дома, которых в городе Тотьме было три: война многих ребятишек лишила родителей. Серёжа оставался на лавочке у ворот, а Коля шёл к детям, играл на гармошке.

И вот заключение, которое делает М. А. Полётова — автор книг “Пусть душа останется чиста” и “Душа хранит...”: “Остро переживая своё сиротство, Рубцов не менее остро переживал и горе других детей. Пытался облегчить их долю, устроить праздник. Сострадание и равнодушие — качества, отличавшие Колю с отроческих лет. Может быть, это первооснова, на которой и рождаются истинно русские поэты?”

От Нинели Александровны Старичковой, вологодской поэтессы и подруги Рубцова, получила она копию его сочинения “О родном уголке”, написанного на выпускных экзаменах за седьмой класс (самой Старичковой, ныне покойной, сочинение передала вдова Николая Михайловича — Генриетта Михайловна, достав из сохранившегося его чемоданчика). Так вот, сочинение это демонстрируется теперь в московском музее Н. М. Рубцова, а Майя Андреевна в своей книге комментирует:

“Наши библиотекари, прочитав его, не могли себе представить, что написано оно четырнадцатилетним детдомовским мальчиком. На их недоумение мы отвечаем: “Пушкин на выпускном экзамене читал свои “Воспоминания в Царском Селе”, юный Лермонтов написал “Панораму Москвы”; Рубцов — такой же гениальный человек, как эти поэты”. Наверное, кто-нибудь скажет: “Перебор”. Но это будет либо тот, кто не знает рубцовского наследия, либо недоброжелатель, каковые, увы, у него имеются. Лично я согласен с Майей Андреевной, ставящей любимого своего поэта именно в столь высокий ряд. Разделяю и её признание:

“Когда я смотрю на фотографии детдомовских детей седьмого класса в селе Никольском, я не могу оторвать взгляд от самого маленького мальчика с тёмными волосами, в шарфике — Коли Рубцова. Неужели этот мальчик в четырнадцать лет уже понимал, что ему дано особое предназначение в жизни, если в этом возрасте написал стихотворение “Два пути”:

*...А от тракта, в сторону далёко,
В лес уходит узкая тропа.
Хоть на ней бывает одиноко,
Но порой влечёт меня туда.*

*Кто же знает,
может быть, навеки
Людный тракт окутается мглой,
Как туман окутывает реки...
Я уйду тропой.*

Бесценен каждый штрих

А вот Николай Никифорович Шантаренков, учившийся вместе с Рубцовым в Кировском горно-химическом техникуме, убеждал Майю Андреевну, что настоящему становление поэта началось именно здесь. Оказался Рубцов в городе Кировске Мурманской области после неудачной попытки поступить в Архангельское мореходное училище (море сильно тянуло!) и работы помощником кочегара на рыболовецком траулере. Хотелось всё-таки ему продолжить образование. Вот и подался он на маркшейдерский факультет горно-химического техникума, довольно смутно представляя себе эту профессию. Главной в жизни для него по-прежнему оставалась поэзия.

Майя Андреевна записала и собрала воспоминания многих, кто знал Рубцова в Кировском техникуме, — и его преподавателей, и соучеников, из которых выросли потом даже профессора и академики. “А поэт, — замечает она, — один”.

Классным руководителем у него была Маргарита Ивановна Лагунова, и она же преподавала литературу и русский язык. Видимо, хорошо преподавала, если не кому-нибудь, а ей посвятил поэт свой первый, ещё рукописный, сборник “Волны и скалы”. Вспоминая необычного ученика, она рассказала массу интересного о нём, подытожив: “В группе уже тогда было ясно, что Рубцов обладает недюжинным творческим даром”.

Но все ли это понимали? Вот какая произошла встреча у Полётовой с преподавательницей черчения: её воспоминания о Рубцове оказались далеко не такими тёплыми: “Сидел как посторонний человек, развалившись. Круглый живот выпирал. Одет был в общипанный, оборванный коричневый пиджак. У всех учащихся ручки маленькие, а у него руки — о-го-го!.. Я с ним не разговаривала. Он тоже сидел молча”.

Ну, и махнуть бы рукой на эту Раису Ивановну: понятно, что черчение не было у Рубцова любимым предметом. Однако здесь начинается история, характеризующая личность Майи Андреевны. Не могла она равнодушно пропустить это мимо ушей! И вот, пересказав в своей книге недоброжелательный отзыв преподавательницы, она пишет:

“Раиса Ивановна, наверное, тогда не представляла, что на уроке сидел не обыкновенный студент, а поэт. Обыденные события превращались у него в стихи. Не исключено, что, глядя в окно на уроке черчения, он уже рифмовал всё, что происходило вокруг него. А руки у него после работы на РТ-20 (то есть на рыболовецком траулере) помощником кочегара, возможно, и были “о-го-го!..”

Вы заметили, как ранила её несправедливость, относящаяся к этим рукам? Не могла она не отозваться и на то, что бывшая учительница поэта до сих пор не имеет даже представления о том, какой это поэт! Далее Майя Андреевна пишет:

“Выслушав Раису Ивановну, мы провели её в музей, рассказали биографию Рубцова. Стали читать ей стихи поэта, стараясь донести всю их необыкновенную живописность и лиризм. Раиса Ивановна впервые слушала их и приняла в своё сердце. Поняла одинокого бездомного мальчика — и сразу переменялась. Забыла обиды. Моя дочь Оля ездила на квартиру к Раисе Ивановне, записала воспоминания о жизни техникума... А творчество Рубцова Раиса Ивановна так полюбила, что теперь жить не может без его книги стихов, которую ей подарила Оля”.

Собственно, в этом и есть главный смысл всех её стараний: чтобы как можно больше людей узнали, поняли и полюбили поэта Николая Рубцова. Так, как любит его она сама. Ради этого, в конечном счёте, и был создан музей. Ради этого были написаны её замечательные книги, которые я отношу к лучшим изданиям о поэте. Ради этого она не устаёт читать его стихи всем и всюду, где только ей предоставится возможность.

О любом поэте лучше всего говорят его стихи. Но для этого надо, чтобы они дошли до души читателя или слушателя. Сам Рубцов умел донести их до людей, чему сохранилось множество свидетельств. Есть и забавный случай, про который известно стало Майе Андреевне от Геннадия Фокина – того рубцовского сослуживца по эсминцу “Острый”, что живёт сейчас в далёкой Находке.

Однажды отправились они на берег получать Колин гонорар. Там, в Североморске, Рубцов был активным участником литературного объединения при флотской газете “На страже Заполярья” и стал печататься не только в ней, но и в других изданиях Мурманской области, а иногда и в центральных газетах страны. Так вот, когда гонорар был получен, решили его “обмыть”. Бутылку достать удалось, но столкнулись они с патрулём, который привёл их в комендатуру. А поскольку в Североморске в это время был строгий сухой закон, дело грозило принять весьма серьёзный оборот. Вот тогда-то, недолго думая, Коля и начал читать стихи.

– Чьи стихи читаешь, матрос? – спросил дежурный офицер.

– Свои, – ответил Николай.

– Давай читай ещё, – попросил старший лейтенант, оказавшийся любителем поэзии.

– И представляете, – рассказывал далее Фокин, – Коля всю ночь читал ему и свои стихи, и Тютчева, и Есенина, которых я тогда не знал. Я дремал, время от времени просыпался, а он всё читал и читал.

Наутро их отпустили на эсминце. Да не просто отпустили, а с письменной благодарностью за выполненную в комендатуре “ночную работу”!

“Иногда я задумываюсь, – написала Полётова в предисловии к своей книге, – а нужен ли тот или иной, порой очень незначительный, эпизод из его биографии широкому читателю... Человек соткан из противоречий, он меняется, меняются окружающие его люди. Как важно не упустить это движение, понять его. Любое слово или поступок, любая, самая незначительная деталь жизни интересны. Жизнь обычного человека не представляет большого интереса для потомков. Рубцов же – “величина постоянная”. Пока будет существовать поэзия, интерес к его стихам не пройдёт”.

И, добавлю я, к его личности, неотделимой от стихов. Не единожды я слышал, как Майя Андреевна рассказывает посетителям музея про тот случай в североморской комендатуре и про другие, самые разнообразные. Они и в её книгах следуют один за другим, воссоздавая личность живого поэта в разных жизненных ситуациях – комических и драматических, печальных и смешных.

Вот он поёт под гитару свои стихи, что нередко бывало. Заканчивает одно и после небольшой паузы начинает другое, без комментариев. И вдруг кто-то уличает его... в присвоении чужих стихов: “Это же Блок!” На что Рубцов спокойно отвечает: “Я пел вам стихи трёх великих поэтов”. Действительно, это были стихи его, а также Блока и Тютчева, которого он особенно любил.

Или вот случай, про который удалось узнать благодаря Сергею Каменеву: его, как будущего юриста, в сентябре 1969 года направили на практику помощником участкового милиционера. Холодной московской ночью, обходя чердаки домов на улице Профсоюзной, милиционеры обнаружили неизвестного. При нём не было никаких документов, только небольшой жёлтый чемоданчик-балетка”. Доставили в 120-е отделение милиции, где тот объяснил, что он – поэт, приехал в Москву к другу, но не застал его дома и решил заночевать на чердаке. Каково же было удивление милиционеров, когда при осмотре содержимого чемоданчика они обнаружили письма на имя Николая Рубцова из редакций самых известных столичных журналов.

Отношение к нему сразу изменилось, голос начальника отделения потеплел, да и атмосфера стала почти домашней. Начальник обратил внимание на ботинки поэта, не просто изношенные, а рваные. Сочувствуя, предложил Рубцову ботинки, которые лежали в отделении почти месяц. К счастью, обувь

пришлась впору. Рубцов был тронут как тёплым отношением, так и этим неожиданным подарком. С тем его и отпустили. . .

А вот эпизод в редакции одной из районных газет Вологодской области, буквально потрясший всех участников той встречи с поэтом. Его попросили почитать стихи перед коллективом, и он начал, всё более загораясь. Но вдруг, не дочитав стихотворение до конца, остановился и замолчал. Все подумали, что он просто забыл текст, заволновались, поскольку пауза явно затянулась. Однако через минуту-другую, улыбнувшись, Рубцов завершил чтение. Когда потом начались вопросы, кто-то из молодых слушателей спросил:

- А почему вы так долго молчали?
- В эту минуту я писал другое стихотворение.
- А чем писали?
- Головой.
- А не могли бы вы нам его прочитать?
- Могу, – сказал Рубцов и прочитал:

*Я уеду из этой деревни...
Будет льдом покрываться река,
Будут ночью поскрипывать двери,
Будет грязь на дворе глубока.*

Вот ведь до чего необычно рождалось это одно из лучших рубцовских стихотворений! Я думаю, Майя Андреевна с великой радостью воспроизводит в своих книгах наблюдение, повторяющееся почти дословно в нескольких воспоминаниях разных людей: “В глазах Рубцова была всегда работа”.

Заметил я, что в сносках к цитируемым воспоминаниям Майе Андреевне от одного издания к другому нередко приходится об авторах писать: ушёл (или ушла) из жизни тогда-то. И даты совсем недавние. То есть удалось, что называется, “схватить” их в последний момент. Не успела бы, не добралась бы до этого человека, не записала бы – и унёс бы он свою память о Рубцове вместе с собой. Невосполнимая потеря!

Бесценен каждый штрих. Например: “Никогда не имел кошелька, а деньги держал в комнате на виду. Одолжить у Рубцова деньги мог любой, часто не возвращали”. В ответ на шуточный совет-подначку “подыскать хорошенькую вдовушку” он парировал: “Рад бы в рай, да грехи не пускают. Кому я могу приглянуться? Видишь, уши у меня, как лопухи, и топорщатся. Впрочем, они мне не помеха. Запомни хорошенько:

*Пусть у меня большие уши,
Зато я лучше слышу души”.*

Больше всего ликует Майя Андреевна, когда удаётся разыскать неизвестный автограф Рубцова. Так, в музее выставлен теперь черновик телеграммы (с большой фиолетовой чернильной кляксой!), которую поэт отправил из Москвы своему другу – писателю Василию Белову: “г. Вологда, ул. Ленина, 17, Союз писателей. Белову Васе. Прочитал “Привычное дело”. Очень радостно. Спасибо. Будь здоров ради бога. Рубцов”.

Видно, что автора переполняют чувства, которые он спешит выразить, отсюда и нечаянная клякса. Однокурсник поэта по Литинституту Николай Попов, сохранивший этот черновик, вспоминает, в каком невероятном восхищении, прочитав повесть В. Белова, побежал Рубцов на почту. Успех и радость других принимал он всегда всей душой – так же, как и горе. . .

А бывшая сотрудница череповецкой городской газеты “Коммунист” Римма Сергеевна Минина подарила основательнице музея Н. М. Рубцова рукописи двух его стихотворений, оставленные в редакции майским днём 1967 года. Это “Осенние этюды” и знаменитый “Русский огонёк”. Тот самый, где отчеканил поэт свою заветную заповедь бескорыстия:

*За всё добро расплатимся добром,
За всю любовь расплатимся любовью.*

У этого стихотворения есть первый, более ранний и менее совершенный вариант под названием “Хозяйка”. А то, что предложил поэт череповецкой редакции, отличается и от первого, и от конечного текста. По этому промежу-

точному варианту можно видеть, как взыскательно работал над своими произведениями Рубцов, как он совершенствовал стихотворные строки, кропотливо оттачивая мысль и слово...

Нетрудно понять чувства Майи Андреевны, которые выплеснулись после того, как у неё оказалась целая стопа бумаг, исписанных карандашом, синими и фиолетовыми чернилами или отпечатанных на машинке с подписью "Рубцов". Подлинники!

"Пока везла их домой, думала: "Как много людей вокруг, и никто не знает, какое чудо у меня в руках! Автографы самого Рубцова! Везу то, что будут изучать специалисты, может быть, по строчке, по букровке, через лупу будут разглядывать эти пожелтевшие, надорванные в некоторых местах страницы, спорить и восхищаться. У каждого листочка – своя история. В каком году написано? На какой машинке напечатано? Где писал? Почему не закончил? Как долго вынашивал то или иное стихотворение, по привычке мысленно не раз переписывая и исправляя, прежде чем они лягут на бумагу?.."

Пожалуй, и в самом деле не имеют цены для Майи Андреевны рубцовские рукописи.

В защиту чести и достоинства

А что её более всего мучает? Несправедливость по отношению к поэту, которую она воспринимает (совершенно правомерно!) как несправедливость к великой русской культуре.

Казалось бы, радоваться всей стране: в городе Емецк Архангельской области, где родился Рубцов, усилиями энтузиастов удалось открыть памятник ему. Но... "Это событие, – записывает Майя Андреевна, – в телевизионных новостях практически не было освещено. Хотя в средствах массовой информации в последнее время много говорят о патриотизме, но чувствуется лживость и двуличность во всех этих заявлениях".

Вот и в 2011 году, когда исполнилось 75 лет со дня рождения выдающегося русского поэта и 40 лет после его трагической гибели, телевидение рубцовскую тему полностью замолчало.

Вспоминая, как пять лет назад на официальном заседании речь зашла о предстоящих тогда юбилейных днях поэта, Майя Андреевна свидетельствует: "Одна наивная чиновная дама недоумённо воскликнула: "Ничего не понимаю! В чём дело? Почему это Рубцову открываются по всей России какие-то рубцовские центры, музеи? Кто их возглавляет и кто оплачивает?"

Ответ Полётовой: "Можем обрадовать всех чиновников России – народ. И вообще Рубцов – это баррикада. По одну сторону её находится вся русская классическая литература вместе с Пушкиным, Лермонтовым, Есениным, а по другую – их убийцы: Дантес, Мартынов, г-жа Дербина и иже с ними".

Дербина – убийца Рубцова. Больше всего, до острой сердечной боли, не может смириться Майя Андреевна с противоестественным оправданием той, которая лишила Россию одного из самых пронзительных её певцов. А между тем попытки такого оправдания то и дело возникают, болезненно шокируя её. В книгах своих пишет она об этом с горечью и возмущением.

"В "Комсомольской правде" опубликована фотография Дербиной среди школьников деревни Павловской Вологодской области: отвратительное зрелище – убийца и дети. Кто мог такое допустить? Наше время удивительно цинично. Раньше ходили в театр, на творческие встречи, на музыкальные вечера, теперь ходят – "на убийцу"...

Эта страшная женщина, выгораживая себя, возводит клевету на Рубцова. Вот почему Майя Андреевна решила провести собственное расследование обстоятельств гибели поэта. И сразу же столкнулась с ложью, которую распространяет убийца о последних месяцах и днях его жизни. Она, в это время буквально охотившаяся за ним, утверждает, например, что Рубцов "выгнал" жену и дочь из своей квартиры. Дабы, понятное дело, освободить место для неё, "любимой" и "единственной".

Но как было на самом деле? Что произошло, когда жена Рубцова вместе с дочерью Леной приехали к нему из деревни в Вологду после долгой разлуки? О том рассказала Майе Андреевне соседка поэта по лестничной площадке Дина Александровна Романова:

– Летом 1970 года я выходила из своей квартиры. Смотрю, от него выбежала жена, Генриетта Михайловна, и крикнула: “Лена! Идём отсюда! Нам здесь делать нечего!” А вслед за ними бежит Рубцов. Раздетый, хромает и даже на улицу выскочил и кричит: “Родные мои, не покидайте меня! Я погибну без вас!” И всё бежал и кричал: “Я погибну без вас!” А потом вернулся. Не догнал... Идёт вверх по лестнице, голову вниз опустил, меня даже не заметил, не поздоровался.

А дальше Майя Андреевна продолжает уже от себя: “В том же году я приехала в село Никольское к Генриетте Михайловне, расспрашивала об этом грустном эпизоде. Как так получилось, что она не вернулась? Генриетта Михайловна ответила: “Я так была расстроена, когда увидела в его квартире эту женщину, слышала, что он что-то кричит, но слов его не разобрала”. Через две недели получаю от вдовы Рубцова письмо – она съездила в Петербург к дочери Елене Николаевне Рубцовой, которая подтвердила: “Именно эти слова кричал папа. Я запомнила их на всю жизнь”. Потом, встретившись со мной, Лена повторила то же самое”.

Когда-то, примерно года за два до смерти, Николай Михайлович написал для всех нас свою исповедальную клятву:

*Перед этой
Жёлтой, захолустной
Стороной берёзовой
Моей,
Перед жнивой
Пасмурной и грустной,
В дни осенних
Горестных дождей,
Перед этим
Строгим сельсоветом,
Перед этим
Стадом у моста,
Перед всем
Старинным белым светом
Я клянусь:
Душа моя чиста.
Пусть она
Останется чиста
До конца,
До смертного креста!*

Однако после его ухода всяческих выдумок и клеветы нагорожено врагами поэта вокруг него много. Неустанный добросовестный труд Майи Андреевны Полётовой помогает противостоять этим наветам, защищает честь и достоинство русского классика, одного из самых совестливых поэтов нашей великой литературы.

Отдавать, а не брать – таков принцип

Мне было интересно побольше узнать о ней самой. Суть, разумеется, стала понятной сразу: удивительная родственность душ – её и Рубцова. Но откуда она такая явилась? Где росла и кем воспитывалась?

Корни её, оказывается, в Подмосковье, в Клинском районе. Мать Наталья Игнатьевна Бизяева (в замужестве Бочкова) – из рабочей семьи. Как и сёстры, шестнадцатилетней пошла в 1914-м ткачихой на текстильную фабрику “Каулен и Кост”, окончив лишь три класса начальной школы в селе Спас-Коркодин. Потом всё время занималась самообразованием, много читала, однако систематическая учёба, скорее всего, на этом для неё и закончилась бы. Но после революции, в 1918 году, ей доверили возглавить комсомольскую организацию на фабрике (о чём она написала интересные воспоминания “На заре нашей юности”), а в 1920-м с группой подруг её послали в Москву, на курсы подготовки воспитателей для работы в детских домах.

Любовь к детям, передавшаяся впоследствии дочери Майе, определила её будущее. Пять лет, до 1925-го, — она работала с беспризорниками в детдомах Клина (как не вспомнить детдомовскую судьбу Коли Рубцова!), затем — учёба в академии имени Н. К. Крупской и, наконец, многолетний педагогический труд.

Судя по всему, педагогом она была незаурядным. Об этом говорит хотя бы такой факт: 26 января 1938 года “Правда” опубликовала её большую, “подвальную”, статью “О преподавании истории в школе”. А про то, какой она была человек, говорит факт, связанный со школьной эвакуацией во время войны. Она, директор интерната, заболела туберкулёзом, потому что голодала, стараясь всё до крошки отдавать детям.

Отдавать, а не брать... Не это ли составляет основу идеала русского человека, заключенного в Православии, вошедшего в национальную литературу и ставшего одним из принципов коммунистов, в том числе её, члена Коммунистической партии с 1927 года?

Вот и ещё один факт; он может показаться забавным, но на самом деле тоже о многом свидетельствует. Когда с Майей, учившейся в мединституте на педиатрическом факультете, подруга решила познакомить своего брата, который станет любимым её мужем до конца жизни, тот спросил: “А родители у неё коммунисты?” — “Да, да!” — был ответ. “Вот такая жена мне и нужна”, — сказал студент строительного института имени В. В. Куйбышева коммунист Николай Полётов, прошедший к тому времени войну и закончивший её в Берлине.

Напомню: в стихотворении Рубцова “Рассказ о коммунисте” герой — воплощение самоотверженности, жизни для людей, а не для себя. Именно таким было представление о высоком звании коммуниста у Майи Полётовой, последовавшей жизненному примеру родителей и мужа. Партийный билет коммуниста не как двигатель служебной карьеры, к которой она никогда не стремилась, а как соответствие глубокой внутренней потребности делать как можно больше доброго и необходимого людям.

Как можно больше! Ну, казалось бы, разве недостаточно того, что она, детский врач, влюблённый в свою профессию, спасает малышей, иногда крошечных недоношенных младенцев, спасает буквально от верной гибели? Разве недостаточно того, что она занимается серьёзными научными изысканиями в своей медицинской сфере и её доклады на престижных учёных форумах получают высшую оценку?

Но представьте, начав работать после института в сельской больнице Клинского района, она увлекается ещё и краеведением. Её интересует всё, что связано с историей этих мест, давней и близкой. Вот так же в другое время занялась историей родного края её мать, приглашавшая сына великого Д. И. Менделеева из соседнего Боблова читать лекции рабочим на фабрике...

Дочь особенно привлекли события только что отгремевшей войны на подмосковной земле. Город Клин недолго был в оккупации, всего две недели, но фашисты натворили здесь много бед: надругались над святыней — Домом-музеем П. И. Чайковского, издевались над местными жителями, расстреливали подозреваемых в связях с партизанами. Героизм проявили бойцы 1-й ударной и 30-й армий, освобождавшие город и район. А вскоре после освобождения, в середине декабря 41-го, сюда приезжала особая миссия из Великобритании во главе с министром иностранных дел Антони Иденом. Англичане увидели, что осталось в результате гитлеровского нашествия от красивого города Клина, и убедились, насколько уверены в победе молодые русские генералы, с которыми они встретились.

Чтобы разузнать в подробностях, как тогда всё было, юный врач Майя Полётова организует комсомольцев. И потом, когда она будет работать в московской городской клинической больнице № 64, создаст здесь комсомольскую поисково-исследовательскую группу. Результаты многолетнего коллективного труда огромны! Собранные материалы передавались в дар краеведческим музеям Клинского, Дмитровского и Солнечногорского районов, получили высочайшую оценку специалистов-историков из Музея обороны Москвы.

Или вот строки благодарственного письма, которое получила Майя Андреевна от главного хранителя Государственного дома-музея П. И. Чайковского в Клину: “Огромное спасибо за всё, что вы передали в наш музей! По иронии судьбы нашей историей занялись вы, а не мы... Вынуждены сознаться, что вы гораздо более нас преуспели”.

А ведь это и многое другое сделано было ещё до того, как в её жизни появился поэт Николай Рубцов...

Свет души негасимый

Так кто же она, Майя Андреевна Полётова? Кто в наибольшей степени – врач, историк или теперь уже и литературовед? Возвращаясь к началу своих заметок и подводя итог, повторю самое существенное: она – подвижник большой любви. К людям и Родине, к поэтическому слову и жизненной судьбе одного из великих сынов России. Она и сама проявляет редкостное величие духа и благородство светлой души.

Действительно, вздумайте только: такой масштаб деяний творит она абсолютно бескорыстно. Свою пенсию готова отдать (и отдаёт!) до копейки, когда нужно это для нескончаемого рубцовского поиска, для музея, который она создала.

Каких невероятных усилий стоило это ей – особый разговор. Музей, который удалось разместить в помещении библиотеки № 95 Юго-Западного округа Москвы, в сентябре 2012 года отметил своё десятилетие. Назову адрес: улица Дмитрия Ульянова, 3 (ближайшие станции метро – “Академическая” и “Университет”). Если побываете здесь, надеюсь, будете искренне восхищены, как почти каждый из посетителей.

Но до сих пор у музея множество трудностей и проблем. Начиная с того, что само его существование в библиотеке остаётся, можно сказать, на “птичьих правах”, так что тревога за день завтрашний не убывает. Задаюсь вопросом: неужели столице России не нужен музей великого и по-особому любимого народом русского поэта?..

Радуюсь, что рядом с Майей Андреевной появилась ещё одна удивительная женщина, которой основательница музея в связи со своим возрастом смогла уверенно передать должность заведующей. Это Ольга Ивановна Анашкина, филолог по образованию, дочь моего знатного земляка-рязанца, Героя Великой Отечественной войны генерал-лейтенанта Ивана Николаевича Анашкина. Она проникнута такой же трепетной любовью к поэзии Рубцова, а ещё – что не менее важно! – роднят её с Майей Андреевной бескорыстие и самоотверженность служения долгу памяти поэта.

Прямо скажу, вдвоём они работают за целый институт. Если в прошлом году юбилей Рубцова всё-таки были достойно в столице отмечены, то это благодаря их стараниям. Они организовали Международную научно-практическую конференцию в Институте мировой литературы имени А. М. Горького “Россия, Русь! Храни себя, храни!..” Они же сумели провести конкурс юных чтецов на лучшее исполнение стихов Николая Рубцова в школах Москвы, найдя себе соратника для руководства жюри – народного артиста России Виктора Никитина. У них в музее регулярно происходят ежемесячные Рубцовские чтения: в нынешнем январе – уже восьмидесятые...

Все их дела не берусь перечислить. Теперь даже работники рубцовских музеев на Вологодчине, имеющих гораздо более долгую биографию, говорят им: “Вы – центр, а мы – ваши веточки”.

Не случайно именно они, Майя Андреевна и Ольга Ивановна, стали инициаторами сбора пожертвований на восстановление храма в селе Никольское. Как известно, разрушенный храм этот не раз помянут в стихах Рубцова, однако до сих пор пребывает он в развалинах. С присущей им энергией Полётова и Анашкина взялись практически продвинуть это святое дело. А вслед за ними развернули сбор средств на храм или хотя бы на часовню и другие энтузиасты.

Правда, очень тревожит будущая судьба Никольского. Сохранится ли это село, неразрывно связанное с Николаем Рубцовым, его заветная Никола? За последние годы всё здесь пришло в упадок. После развала коллективного хозяйства неизвестные московские бизнесмены скупили у сельчан землю и исчезли. Не обрабатывается земля, зарастает бурьяном. В селе уже не мычат коровы – ни одной не осталось. Начинают покидать родное гнездо местные уроженцы. А не будет Никольского – исчезнет и замечательный здешний музей Рубцова, которым руководит Галина Алексеевна Мартюкова.

Обо всём этом ой как болит душа Майи Андреевны! Вот и прошлым летом, несмотря на нездоровье, отправилась она, как всегда, на вологодскую

землю, где в городе Тотьма и в Никольском проводятся Рубцовские чтения. Поехала не просто так, а чтобы поделиться своим новым открытием. Прочитав её книгу, написала ей Дина Павловна Киселёва из посёлка Липин Бор Вологодской области. В детстве она не раз видела учащегося лесотехнического техникума Колю Рубцова, который приезжал в деревню Самылково Биряковского района. Между тем твёрдо считалось, что здесь, на родине отца и матери, он никогда не бывал...

Переписка, завязавшаяся у Майи Андреевны с Д. П. Киселёвой, её воспоминания о встречах с Рубцовым в Самылкове, соседнем Спасском, а позднее и в Вологде раскрыли совершенно неизвестные страницы из жизни поэта.

Немало интересного узнала она и от учительницы Рубцова в вечерней школе при Кировском заводе в Ленинграде Галины Николаевны Федотовой: отыскалась недавно, тоже благодаря книгам Майи Андреевны, на которые она откликнулась. И когда перед Новым, 2012 годом приехал я в музей, а потом вместе с Ольгой Ивановной сидели мы у Майи Андреевны дома, она всё рассказывала об этих двух открытиях последнего времени. Прямо-таки с юношеским воодушевлением рассказывала!

А ведь в прошлом году ей исполнилось 85! Я позвонил ей 2 марта, чтобы поздравить, а она объявила: “Ой, сейчас приедут девять моих внуков с семьями – готовлюсь к приёму”. У неё девять внуков – от трёх дочерей, а у покойной сестры Искры Бочковой, по профессии художника, одна дочь десятилетних внуков родила: это её внучатые племянники. Если же всех правнуков по обеим линиям собрать, получается двадцать человек!

Дружные все! Помню, как прекрасно пел на представлении книги Майи Андреевны в Союзе писателей России, членом которого она стала, самодеятельный русский народный хор “Ромода”, состоящий только из её потомков.

Счастье? Ещё какое! И она его заслужила. Давайте пожелаем ей многая-многая лета на благо родной и любимой отечественной культуры!